Басиева Залина Максимовна

БОРЬБА ЗА ОБЛАДАНИЕ АНАПСКОЙ КРЕПОСТЬЮ (1855-1856 ГГ.)

В статье рассматривается развернувшаяся в 1855-1856 гг. борьба за обладание Анапской крепостью. В частности, автор, опираясь на широкий круг источников, достоверно показал, что Анапа, добровольно покинутая русскими войсками в 1855 г., стала в ходе войны объектом противоречий между союзниками. В этой связи также особое внимание уделено антироссийской деятельности турецкого ставленника в Черкесии Сефер-бея, направленной на сохранение протурецких настроений среди горцев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/8-1/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 22-25. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

16. Юбшман Г. Древнеармянские топонимы / на арм. яз. Вена, 1907. 448 с.
17. Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum: libri qui supersunt: 3 vol. Harvard: Harvard Univer. Press, 1956. V. II. 683 p.
18. Hewsen R. H. Ptolemy's Chapter on Armenia: an Investigation of His Toponyms // Revue des etudes armeniennes. Nouvelle serie. P.: Soc. for Armenian Stud., 1982. V. XVI. P. 111-150.
19. Ptolemaios Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutch / herausgegeben von A. Stuckelberger und G. Grabhoft. Basel: Schwabe Verlag, 2006. 2 Teil. Buch 5-8. Einleitung. Text und ubersetzung. Index.
20. Strabo. The Geography of Strabo. Oxf.: Oxf. Univer. Press, 1960. V. 6. 397 p.
21. Talbert R. J. A. Atlas of the Greek and Roman World. Princeton: Princeton Univer. Press, 2000. 1371 p.
22. Toumanoff C. The Orontids of Armenia. Studies in Christian Caucasian History. Georgtown: Georgtown Univer. Press, 1963.

ISSUES OF LOCATING AND ONOMASTICS OF OROMANTIDE AND FAVNITIDA BY THE ANTIQUE AND ANCIENT ARMENIAN HISTORIANS

Arutyunyan Akop Zhoraevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Yerevan State University, Armenia
hakobinna@rambler.ru

Strabo in his ―Geography" enumerates thirty administrative and territorial divisions of the kingdom of Greater Armenia without distinguishing their statuses (governorate or province). The issues of the location of Oromantide and Favnitida have not been ascertained till the present. On the basis of historical-linguistic analysis by means of the comparison of Strabo's information with the information of Ptolemy and the ancient Armenian historians Faustus of Byzantium and Movses Khorenatsi, the meaning of these toponyms and their location are found out.

Key words and phrases: Strabo; Ptolemy; Greater Armenia; Artaxias I; Zariadres; Oromantide; Favnitida.

УДК 94(479)
Исторические науки и археология

В статье рассматривается развернувшаяся в 1855-1856 гг. борьба за обладание Анапской крепостью. В частности, автор, опираясь на широкий круг источников, достоверно показал, что Анапа, добровольно покинутая русскими войсками в 1855 г., стала в ходе войны объектом противоречий между союзниками. В этой связи также особое внимание уделено антироссийской деятельности турецкого ставленника в Черкесии Сефер-бея, направленной на сохранение протурецких настроений среди горцев.

Ключевые слова и фразы: Крымская война; Анапа; Россия; Черкесия; Турция; черкесский вопрос; Сефер-бей; Мухаммед-Эмин.

Басиева Залина Максимовна, к.и.н.
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказского научного центра Российской академии наук
и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
baszal@mail.ru

БОРЬБА ЗА ОБЛАДАНИЕ АНАПСКОЙ КРЕПОСТЬЮ (1855-1856 ГГ.)©

Крепость Анапа, построенная в 1781 г. по приказанию султана Абдул-Хамида I, являлась самым северным форпостом Османской империи в бассейне Черного моря. Крепость была своего рода турецкой «столицей» на Кавказе, издавна олицетворявшей османское присутствие не только в Черкесии, но и, в целом, на Кавказе. Анапа являлась одним из главных очагов политического и идеологического влияния султана на Западном Кавказе, а также центром активной адыго-турецкой торговой деятельности [1]. Черкесы в стенах этой крепости получали все необходимое для жизни и ведения войны. К Российской империи Анапа перешла по русско-турецкому договору 1829 г. [9, с. 71-80].

Известно, что после Адрианопольского договора, невзирая на приобретение Россией крепости и окончания войны, турки все еще сохраняли политическое влияние на горцев, которое они усиливали поставками вооружения и сохранением торговой активности с черкесскими племенами. При непрерывности с Черкесией традиционных торговых, политических отношений создавалась видимость сохранения полного турецкого присутствия. Проводимая многочисленными турецкими агентами в Черкесии широкая антироссийская политическая пропаганда и турецкие заявления о «временном» характере присутствия России на Западном Кавказе охотно принимались горцами, так как в первую очередь им хотелось в это верить, а во вторую, конечно же, этому во многом способствовала «высокая активность турецкой стороны в Закубанье» [3, с. 634].

© Басиева З. М., 2014

К началу 50-х гг. XIX в. «вечный» восточный вопрос достиг наибольшего обострения, неотвратимо переросшего в 1853 г. в крупнейшее военное столкновение ведущих держав Европы. В разгар крымских событий неожиданно для союзников российские войска добровольно покинули вначале Новороссийск (Суджук-кале), а затем и Анапу. Этот отступательный маневр был приписан успешным действиям союзников [8, с. 305].

После ухода российских войск из Анапы крепость стала объектом раздора. Первым поспешил занять Анапу Сефер-бей, по стечению обстоятельств оказавшийся неподалеку, на переговорах у шапсугов. Он стал представляться анапским пашой, к нему присоединилось еще несколько десятков горцев, из Турции ему доставили также два медных орудия [2, с. 70]. Вслед за ним прибыл в крепость Мустафа-паша с 8-тысячным отрядом турок [7, с. 450]. Последними спохватились союзники, приславшие в Анапу 2 (14) июня часть своего флота. Английские адмиралы, в присутствии собравшихся шапсугов и натухайцев, предложили Мустафе-паше сдать им Анапу как необходимый для них пункт открытия торговли с горцами [4, с. 332; 7, с. 450-451]. Свои особые права на крепость союзники объяснили тем, что якобы русские оставили Анапу по причине опасности со стороны союзного флота. На этот малоубедительный аргумент турецкий паша открыто объявил союзникам, что Цимесская бухта и Анапа всегда принадлежали Турции и сдать их без разрешения султана невозможно.

Прения происходили без участия присутствовавших черкесских старейшин, которым не понравилось поведение Мустафы-паши. Чашу терпения горцев переполнило его заявление, что черкесы подчинены турецкому султану и посему обязаны содействовать турецким войскам. В ответ старейшины заявили о своих исконных правах. Вопреки ложным утверждениям англичан черкесы объяснили последним, что «русские, не видя ни войск турецких, ни флота западного, оставили Анапу черкесам, как древнее их достояние», и в знак протеста на неуважительное поведение Мустафы-паши и англичан отказались идти на Екатеринодар. Мустафе-паше не оставалось ничего другого, как оставить Анапу Сефер-бею, а самому уехать в Сухум [7, с. 451]. Крепость оставалась в руках турецкого ставленника как показатель турецкого присутствия на Кавказе вплоть до июля 1856 г.

Обосновавшись в Анапе, Сефер-бей стал высылать официальные письма разным российским служащим, представляясь комендантом Анапской крепости и командиром черкесских народов, имевшим на это мандат от султана. Одно из своих писем, от 5 марта 1856 г., он адресовал коменданту Хоркайской крепости (укрепление при Вареникoвой пристани). Для надежности письмо было отправлено с майором Али-беем и одним унтер-офицером из отряда Сефер-бея. В письме паша, которому, как видно из послания, было известно о прохождении мирных переговоров, предупреждает коменданта, чтобы тот воздерживался от каких-либо военных действий до завершения переговоров и получения новых распоряжений от своих правительств [2, с. 72-73].

Другое письмо Сефер-бея, от 28 апреля 1856 г., как Анапского коменданта было адресовано командующему войсками на Кавказской линии Г. И. Филипсону[1]. В письме на имя атамана паша выражал свое неудовольствие действиями Бабича, нарушившего договоренности с Сефер-беем о приостановлении на время мирных переговоров военных вылазок. Судя по дате составления письма, можно заключить, что Сефер-бей еще не был извещен из Турции о заключении мирного трактата, по условиям которого российские владения на Кавказе не подверглись изменениям. Турция не особенно спешила оглашать этот факт, предпочитая держать в неведении как горцев, так и своего ставленника Сефер-бея.

В ответном послании к паше от 19 мая 1856 г., наказной атаман Черноморского казачьего войска Г. И. Филипсон счел нужным лично в письменной форме объяснить Сефер-бею, что «на основании мирного трактата, заключенного Россиею с разными Европейскими державами, в том числе и с Турциею 18-го (30-го) марта этого года, Кавказские горские племена признаны по прежнему подданными Императора Всероссийского» [Там же, с. 73]. Оправдывая действия Бабича, атаман заявил паше, что полковнику было приказано не предпринимать никаких военных действий только против Анапы, в которой могли находиться турецкие войска. Однако Бабич, как и другие российские начальники на линии, должен следовать приказу «предпринимать военные движения при всяком удобном случае» против непокорных горцев. Сефер-бею было повторно указано на то, что он как турецкий офицер не имеет права вмешиваться в русско-черкесские отношения, а должен лишь позаботиться о том, чтобы освободить занимаемую им крепость от турецких войск.

В заключение письма атаман в довольно резкой форме напомнил паше, что русскому командованию известна проводимая им за Кубанью антироссийская деятельность, и пригрозил, что если он и впредь продолжит уверять натухайцев и шапсугов в том, что назначен в Черкесию турецким султаном, то он вынужден будет считать, что паша или несправедливо называет себя турецким офицером, или явно действует против воли своего правительства [Там же]. Обвиняя Сефер-бея в «самозванстве», атаман рассчитывал справиться с пашой без применения силовых методов.

После завершения русско-турецкой войны 1853-1856 гг. возвращение стратегически важной крепости Анапы становится первейшей задачей российского командования на Западном Кавказе. Стоит еще раз подчеркнуть, что в Париже 18 (30) марта 1856 г. был подписан договор, который напрямую не касался ни Кавказа, ни черкесского вопроса конкретно [9, с. 107-122]. Эта проблема была снята с повестки в первую очередь по причине разногласий между союзниками, а во вторую – из-за наигранной пассивности турецких

[1] Филипсон Григорий Иванович – командующий войсками правого крыла Кавказской линии и наказной атаман Черноморского казачьего войска с 06.07.1855 по 12.09.1860. Князь А. И. Барятинский высоко ценил Филипсона и неоднократно представлял его к наградам за отличия в делах против горцев. 28 сентября 1857 г. он был произведен в генерал-лейтенанты, а в следующем году назначен командующим войсками правого фланга Кавказской линии. В 1860 г. назначен начальником штаба Кавказской армии, в 1861 г. Г. И. Филипсон – уже сенатор.

представителей по этой проблеме. Наконец, не рассматривать черкесский вопрос оказалось юридически возможным из-за неучастия горцев в войне на стороне Турции и ее мнимых союзников. Черкесия, оказавшаяся вне войны, не могла быть предметом обсуждения на мирной конференции воюющих держав.

По условиям указанного трактата основной удар по Российской империи пришелся на Черном море. Россия лишалась права иметь на Черном море военный флот и прибрежные арсеналы, а море объявлялось нейтральным. Таким образом, российское Черноморское побережье Кавказа становилось вновь практически беззащитным. Оккупированные во время войны территории подлежали обмену, Анапа, как и все другие российские города и крепости, должна была быть, в силу трактата, возвращена России. В свою очередь, Россия возвращала Турции крепость Карс с областью и другие занятые территории.

Кавказский наместник Н. Н. Муравьев[1] не стал предпринимать спешных действий по занятию Анапы. В целом проводимая им тактика на Кавказе носила крайне осторожный, взвешенный характер. Придерживаясь этого же подхода, он составил петицию от 21 июня 1856 г. на имя военного министра Н. О. Сухозанета о последовательном занятии Анапской крепости. По мнению генерала, не понаслышке знакомого с ситуацией на Западном Кавказе, наиболее правильным было отложить занятие крепости до следующего года. Обоснованием этого решения служили два обстоятельства: во-первых, турки в количестве 200 человек во главе с Сефер-беем продолжали находиться в Анапе, а во-вторых, Муравьев опасался не успеть до наступления зимы «удовлетворительно» устроить войска в разрушенной, непригодной для нахождения гарнизона в зимний период крепости.

Однако наместник, осознавая стратегическое значение Черкесии на Кавказе, не стал отсиживаться в бездействии и отдал наказному атаману Черноморского казачьего войска генерал-майору Филипсону приказание собрать следующие сведения: «1) каким числом турецких войск занята Анапа и принадлежат ли они к разряду регулярных? 2) к какому времени располагают турки оставить Анапу? 3) возложена ли на Сефер-бея турецким правительством должность Анапского коменданта, или он принял на себя это звание произвольно, а комендантское место занимает кто-нибудь другой, и в последнем случае – кто именно?» [2, с. 70]. Г. И. Филипсон 11 июня 1856 г. представил наместнику подробный доклад, раскрывающий военно-политическую «картину» послевоенной Черкесии. Содержащиеся в нем сведения более утвердили наместника в необходимости разрешения черкесского вопроса на дипломатическом уровне. Было очевидно, что Турция явно удерживает свои позиции в Черкесии.

В Петербурге не одобрили «дипломатическую» тактику наместника. Император остался крайне недовольным «разысканиями» правды об Анапском коменданте и действительных причинах нахождения турецкой гвардии в крепости. Военный министр Н. О. Сухозанет информировал наместника, что за отсутствием в Турции российского посольства нет возможности для дипломатических сношений, и строго предписал Н. Н. Муравьеву скорее заняться формированием отряда для овладения Анапой [Там же, с. 73]. До войны Анапа была занята российским гарнизоном из шести рот и признавалась достаточно безопасной от нападений горцев.

В конце мая 1856 г. другой стратегический пункт на Черноморском побережье Кавказа – Сухум – был очищен от турецкой армии. Войска во главе с Омер-пашой погрузились на корабли и освободили место русскому гарнизону, оставив Сухум «в весьма дурном состоянии». Сефер-паша в Анапе также получил приказ отправить 200 турецких солдат, составлявших его личную гвардию, в Константинополь. Это требование как «громом поразило Сефер-пашу», так как он слепо верил «в непобедимость султана» и был убежден, что «Черкесия действительно принадлежит султану, что он будет пожизненным вали страны». По сведениям Т. Лапинского, его с трудом удалось убедить, что Турция отзывает свои войска с Кавказа. Анапский комендант тут же изъявил желание вернуться с ними в Турцию, однако, офицер, имевший от турецкого правительства «секретные инструкции» относительно паши, объяснил ему, что наступило время расплатиться за долгие годы «благодеяния султана» серьезной службой у себя на родине [6, с. 254]. Перед отплытием (не позже 14 июля) турки сожгли Анапу и взорвали укрепления. Сефер-паше, брошенному Турцией в Черкесии исполнять свой «неоплатный» долг перед султаном, были оставлены две пушки и немного пороха. После этого он был вынужден освободить Анапу. По сведениям русских агентов, паша перешел на Шебж и продолжал проводить протурецкую политику. Очевидно, что после Крымской войны Сефер-паша оставался главным агентом Османской империи в Черкесии.

Итак, окончание Крымской войны и заключение мирного трактата в Париже между Российской империей и другими воюющими державами не означало прекращения подрывной антироссийской деятельности на Западном Кавказе. Турецкое правительство в очередной раз по факту игнорировало договоренности с Россией. Для Турции прекращение военных действий никогда не означало прекращения политической агитации и тайного покровительства горцам. Функции основного проводника турецкой политики в Черкесии с 1854 г. стал выполнять Сефер-бей Зан – природный черкесский князь, ставший за долгие годы пребывания в Турции ярым русофобом и надежным приверженцем султанской политики на Кавказе. Разумеется, эта «привязанность» имела не только материальную основу, но и возможные политические перспективы – занять черкесский «престол». Не успели высохнуть чернила на трактате 1856 г., как снова, с большей силой продолжилась антироссийская пропаганда Сефер-паши среди горцев. Анапская крепость на время стала для паши и убежищем, и гарантом его «законного» нахождения в Черкесии в качестве турецкого ставленника.

---

[1] Н. Н. Муравьев – с ноября 1854 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом и наместник Кавказский. После окончания Крымской войны он в июле 1856 г. уволен с занимаемой должности, назначен членом Государственного совета.

Список литературы

1. **Айларова С. А.** Промышленная предприимчивость… не чужда духу этого народа… (Султан Хан-Гирей о хозяйственной деятельности адыгов) // Вестник Владикавказского научного центра. Владикавказ, 2006. Т. 6. № 2. С. 12-17.
2. **Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.** Тифлис, 1888. Т. XI. 1020 с.
3. **Блиев М. М.** Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 878 с.
4. **Богданович М. И.** Восточная война 1853-1856 гг. СПб., 1876. Т. 3. 418 с.
5. **Костров А. В.** Геополитический фактор в истории Кавказского региона // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 84-86.
6. **Лапинский Теофил (Теффик-бей).** Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 455 с.
7. **Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов**: сборник документальных материалов / под ред. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси: Госиздат ГССР, 1953. 559 с.
8. **Энгельс Ф.** Военные планы Наполеона // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1958. Т. 11.
9. **Юзефович Т. П.** Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб.: Типография О. И. Бакста, 1869. 294 с.

FIGHT FOR ANAPA FORTRESS POSSESSION (1855-1856)

Basieva Zalina Maksimovna, Ph. D. in History
V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences and Government of the Republic of North Ossetia-Alania
baszal@mail.ru

In the article the fight started in 1855-1856 for Anapa fortress possession is considered. In particular, the author on the basis of a wide range of sources shows reliably that Anapa, which was abandoned voluntarily by the Russian troops in 1855, became an object of conflict between the allies during the war. In this connection special attention is also drawn to the anti-Russian activity of the Turkish placeman in Circassia Sefer-Bey that was aimed at the maintenance of the pro-Turkish sentiments among mountain dwellers.

Key words and phrases: the Crimean War; Anapa; Russia; Circassia; Turkey; the Circassian issue; Sefer-Bey; Möxämmät Ämin.

УДК 34.096
Юридические науки

Статья раскрывает сущность налоговой амнистии посредством сопоставления с категориями «экономическая амнистия», «амнистия капиталов», «финансовая амнистия» и «амнистия за налоговые преступления». С помощью системно-структурного и сравнительно-правового методов автором, руководствуясь концепцией общей теории права дифференциации юридической ответственности и соотношения отраслей права, выявлено содержание перечисленных категорий и обосновано их самостоятельное значение.

Ключевые слова и фразы: налоговая амнистия; амнистия капиталов; амнистия за налоговые преступления; финансовая амнистия; экономическая амнистия; юридическая ответственность; сущность амнистии.

Белова Татьяна Александровна
Саратовская государственная юридическая академия
t_a_belova88@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ НАЛОГОВОЙ АМНИСТИИ С ИНЫМИ ВИДАМИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АМНИСТИЙ©

История развития института амнистии в российском праве свидетельствует о его применении в различных отраслях законодательства нашего государства, в том числе и налоговом [6, с. 12].

При исследовании вопроса о налоговой амнистии в литературе зачастую ее суть раскрывается посредством использования терминов «экономическая амнистия», «финансовая амнистия», «амнистия капиталов» и «амнистия лиц, совершивших налоговые преступления». Причем позиции относительно соотношения между собой указанных категорий расходятся.

Так, И. Н. Соловьев, разграничивая налоговую амнистию и амнистию капиталов, последнюю приравнивает к терминам «экономическая амнистия» и «финансовая амнистия». Тем не менее в качестве самостоятельного вида амнистии он выделяет «амнистию за совершение уголовных преступлений» [10, с. 10].

Руководитель абонентского сектора аудиторской компании «Horwath МКПЦН» А. В. Насонов считает, что освобождение от ответственности лиц, уклонившихся от уплаты налогов, с целью пополнения бюджета и привлечения долгосрочных финансовых ресурсов в экономику страны – это финансовая амнистия, которая подразделяется на два вида: налоговую и амнистию капиталов [8].

© Белова Т. А., 2014